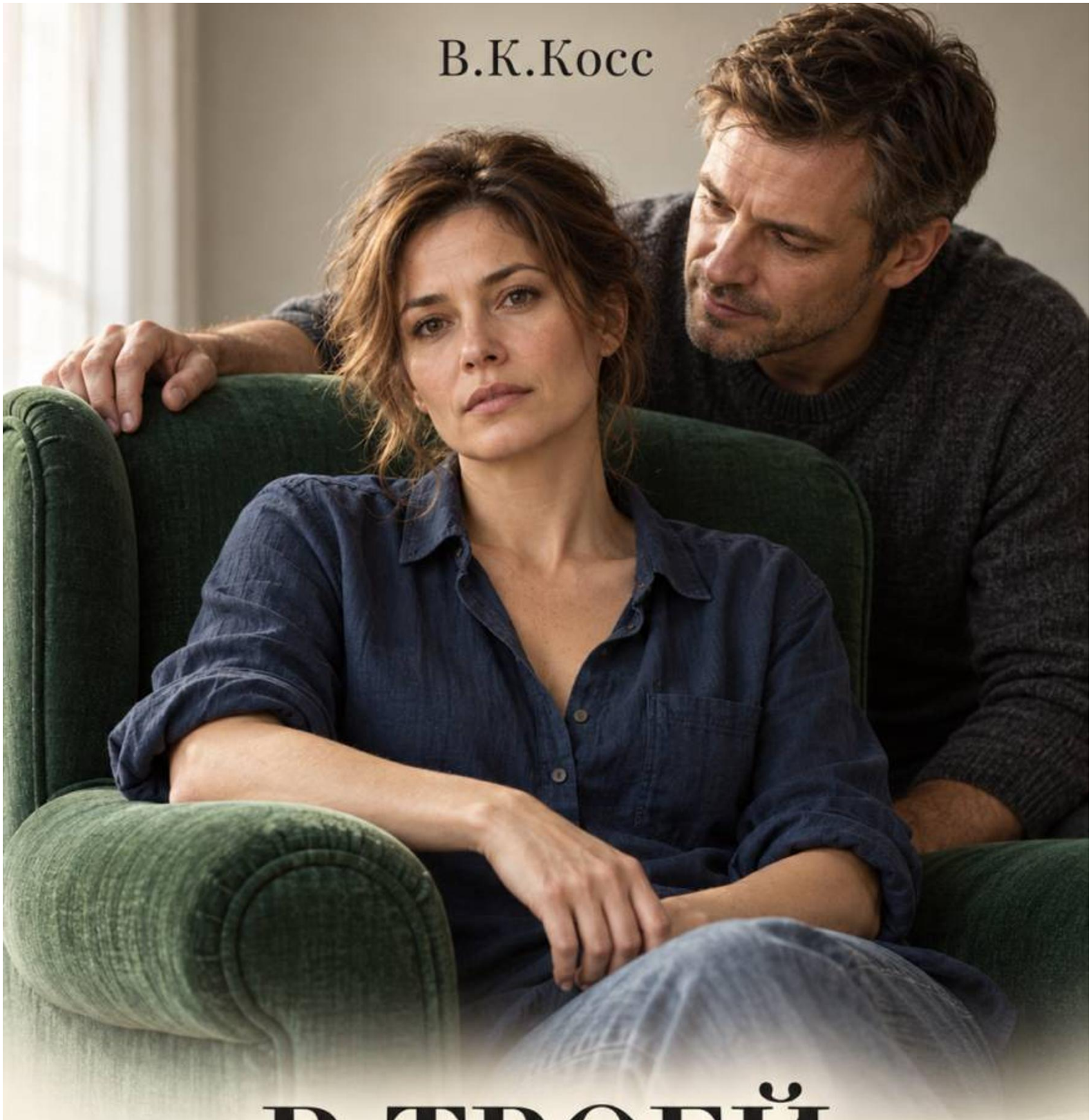

В.К.Косс

В ТВОЕЙ ВЕРСИИ Я СЧАСТЛИВА

В.К. Косс

В твоей версии я счастлива

«Автор»

2026

Косс В.

В твоей версии я счастлива / В. Косс — «Автор», 2026

На семейной съемке муж сказал, что у нас все получилось. Главное — ничего не менять. Я сидела рядом и думала о мастерской, с которой он снова советовал подождать.Егор любит меня. Он умеет заботиться, помнит мои привычки, накрывает ладонью мою руку. Мы семнадцать лет женаты, растим дочь и все еще хотим друг друга. Но в его рассказе о нашей жизни я почему-то не узнаю себя.Мне тридцать восемь. Я чиню чужую мебель на нашей кухне и хочу наконец работать за своим столом. Ради этого я решаюсь на поступок, о котором боюсь рассказать мужу.Он спрашивает, люблю ли я его. Я отвечаю честно. Только теперь мое «да» не означает, что я согласна жить по-прежнему.

© Косс В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Поверните чашку 5
Глава 2. Сорок два метра 8
Глава 3. На кухню 11
Глава 4. Неподходящая ткань 14
Глава 5. Воскресный пирог 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

В.К. Косс
В твоей версии я счастлива

Глава 1. Поверните чашку

Егор убрал мою рабочую куртку за штору за секунду до того, как фотограф нажала на кнопку.

— Теперь хорошо, — сказала девушка с камерой. — Марина, чашку чуть разверните. Чтобы ручка не закрывала пальцы.

У меня в тапочке застряла скоба. Я наступала на внешний край стопы и старалась не качаться. Из комнаты Саши доносился щелчок: дочь в шестой раз проверяла, закрывается ли дверь. Ей обещали, что снимать будут только гостиную.

— Мы здесь все продумали для жизни, — говорил Егор второй девушке, которая записывала его на телефон. — Без выставочных решений. Чтобы каждый чувствовал себя дома.

Фотограф присела, поймала в кадр наше окно и кресло рядом с ним. Под покрывалом у кресла провалилось сиденье. Я хотела заменить ремни еще весной, но каждый раз появлялась работа, за которую платили. Покрывало скрывало яму; на фотографии кресло выглядело уютным.

— А кто принимал основные решения?

— Марина, конечно. У нас же она художник.

Егор обнял меня за плечи. От его запястья пахло кожаным ремешком часов и чуть-чуть металлом — так бывало после работы на объекте. Я подалась к нему раньше, чем подумала, что не хочу стоять перед чужой камерой. Он поцеловал меня в висок. Фотограф быстро щелкнула несколько раз.

Съемку предложил магазин, в котором мы заказали полки. Они делали для своего сайта истории покупателей. Егору понравилась идея: нашу квартиру покажут как пример разумного ремонта. Еще тогда он принес пробник цвета и два вечера передвигал стол, примеряя полки к разным стенам. Теперь ему хотелось показать, что получилось. Я не стала возражать: редко видела, чтобы он так увлекался чем-то вне работы.

— Вы вместе давно?

— Семнадцать лет в браке, — ответил он. — И еще два до свадьбы.

— Как сохраняете близость?

Скоба вошла в пятку. Я поставила чашку на полку.

— Сейчас вернусь.

В ванной я села на край ванны и сняла тапочек. Скоба была маленькая, с одним загнутым усиком. Утром я на кухне вынимала их из старого стула, пока варилась каша. Подцепила ногтем металл и уронила в мусорное ведро.

В зеркале над раковиной отражалась половина моего лица. Тушь я купила вчера специально для съемки, а теперь под левым глазом была темная точка. Я стерла ее мокрым пальцем и почему-то не смогла сразу выйти.

— Марин? — позвал Егор.

— Минуту.

Он говорил дальше:

— Вечером стараемся быть вместе. Даже если я поздно, Марина меня ждет, чаю попьем. Без этого никак.

Я открыла воду, хотя руки уже были чистые.

На телефон пришло сообщение от Галины Аркадьевны: «Завтра до двенадцати. Потом показываю следующим».

Я прочитала, убрала телефон в карман платья и вернулась.

Саша сидела на подлокотнике дивана, подобрав ноги. В четырнадцать лет она была похожа на Егора движением бровей и на меня — тем, как пыталась спрятать недовольство, когда собирались фотографироваться.

— Я не буду с кружкой, — сказала она.

— И не нужно, — ответила фотограф. — Просто посиди с родителями.

— А можно я пойду?

— Саш, две минуты, — попросил Егор.

Она посмотрела на часы у него на руке.

Я села рядом с дочерью. Егор устроился с другой стороны и положил ладонь мне на колено. У него была теплая тяжелая рука; от этого прикосновения я всегда немного успокаивалась. Даже сейчас.

— Последний вопрос, — сказала девушка с телефоном. — О чем мечтаете? Что хотели бы изменить?

Я набрала воздух.

— А ничего, — ответил Егор. — Честно. Я смотрю на них и думаю: у меня все получилось. Главное — сохранить.

Он улыбнулся нам, почти смущенно. В эту минуту я особенно ясно увидела, что он не играл. Он притянул Сашу к себе, но та выскользнула из-под его руки. Егор ничего не сказал, продолжал улыбаться.

— Марина?

— Мне нужно свое помещение, — сказала я.

Девушка оторвалась от телефона.

— Для работы, — уточнила я. — Не дома. С большим столом и вытяжкой. И чтобы можно было оставить разобранное кресло до утра.

Саша перестала крутить кольцо на пальце.

— Да, у нас мама мебель спасает, — сказал Егор. — Мы думаем, как расшириться. Но пока все устраивает, правда, Марин? Здесь рядом и школа, и дом. Удобно.

Фотограф опустила камеру. Я заметила, как девушка с телефоном коснулась экрана. Может быть, остановила запись. Может быть, просто посмотрела, сколько осталось памяти.

— Про «сохранить» оставьте, — попросил Егор. — Мне кажется, хорошо получилось.

Я ничего не сказала. Мне хотелось разжать его пальцы на моем колене, но я понимала, как это будет выглядеть перед чужими людьми, и не двигалась.

После их ухода в квартире остался сладкий запах духов и несколько следов на полу. Саша сразу унесла в комнату свою чашку. Егор вытащил из-за шторы мою куртку и повесил в прихожей.

— Ну что, звезда дизайна, закажем пиццу?

— Ты зачем за меня ответил?

Он обернулся, все еще держа за петлю куртку.

— Когда?

— Когда меня спросили, чего я хочу.

— Я же не запретил тебе помещение. Просто зачем обсуждать при посторонних? Мы пока сами толком не решили.

Мы. Я смотрела, как он поправляет на вешалке мой рукав. В конце августа я показала ему объявление. Потом смету. Потом сказала, что помещение еще свободно. Каждый раз он внимательно слушал и объяснял, почему сейчас неудобно. В первый раз был отпуск, во второй — взнос по кредиту за машину, в третий он очень устал и просил поговорить на выходных.

— Я решила, — сказала я.

Он наконец отпустил куртку.

— Что именно?

Из комнаты Саши раздался звук упавшего предмета. Я отвлеклась, а Егор уже открыл на телефоне доставку еды.

— Давай поедим, потом спокойно. С утра ничего нормального. Тебе с грибами?

Я знала: если сейчас ответить «да», разговор закончится. Пока привезут еду, пока уберем, пока Саша спросит про завтрашнее расписание. Потом он обнимет меня перед сном, я прижмусь к нему, и согласие на пиццу незаметно станет согласием на все остальное.

— Я поем позже. Мне нужно выйти.

— Куда?

— В хозяйственный. За рулеткой.

Он потянулся к ящику комода.

— У нас есть.

Я увидела знакомый желтый корпус в его ладони. Наша рулетка. Купили, когда ждали Сашу и мерили, пройдет ли кроватка между шкафом и стеной.

— Дай, пожалуйста.

Егор протянул ее и хотел что-то сказать, но я уже взяла ключи.

Глава 2. Сорок два метра

В бывшей прачечной пахло мокрым бетоном, хотя стирать здесь перестали несколько лет назад. Под потолком осталась труба толщиной с мою ногу. На стене желтел прямоугольник от снятой таблички, а возле окна лежал пластиковый бегемот без одной ноги.

— Козырек течет, — сразу сказала Галина Аркадьевна. — Я вызвала человека, обещал до конца месяца. В договоре укажем. Если не сделаю, за эти дни аренду пересчитаем.

Я была готова к тому, что придется выпрашивать починку, и от прямого предложения растерялась.

— Хорошо.

— Электричество отдельно. Обогреватель мощный не включайте, пока проводку не посмотрят. Соседи сверху нормальные, но после восьми шуметь не надо.

Она говорила так, будто я уже согласилась. Я достала рулетку и пошла к дальней стене.

Сорок два квадратных метра на бумаге оказались комнатой, в которой мои шаги звучали непривычно громко. Кресло можно было поставить посреди комнаты и обойти со всех сторон. Не просить Сашу встать, потому что нужно вытащить степлер. Не сдвигать ужин, чтобы раскроить чехол. Я присела возле розетки и потрогала стену: холодная, без влажного пятна.

— Муж ваш занимается помещениями? — спросила Галина Аркадьевна.

— Вентиляцией. А что?

— Вы в прошлый раз говорили. Тут бы решетку проверить. И я покажу, где вывод.

Я вспомнила, как легко в первый визит сказала: муж посмотрит. Даже в незнакомой комнате заранее нашла ему работу.

— Я приглашу специалиста, — ответила я.

Она кивнула и отвернулась к окну.

Я обвела в блокноте расстояние от стены до двери. Здесь мог стоять рабочий стол. Вдоль другой стены — кресла, ожидающие ремонта. На окне — чашка. Чашку я почему-то видела отчетливее всего: обычную, белую, без надписи «Лучшей маме».

— Марина, — сказала Галина Аркадьевна, — мне надо понимать. Вы берете?

Я раскрыла сумку. Конверт лежал между блокнотом и пакетом с бахилами. Шестьдесят пять тысяч. Я сняла их накануне со счета, на котором мы откладывали на новую кухню. Двадцать тысяч моих, за два последних кресла, уже ушли на инструменты и доставку стола.

Егор хотел кухню со встроенным холодильником. Я хотела и кухню тоже. Хотела, чтобы ящик с ложками перестал выскакивать, если потянуть слишком резко. В какой-то момент я решила, что никто не пострадает, если вместо нового ящика у меня появится место для работы. Мы все равно еще не заказали мебель.

Теперь, держа конверт, я понимала, как неприятно будет услышать это со стороны: я решила.

— Дайте прочитать еще раз.

Галина Аркадьевна сняла очки, протерла их краем кофты и села на подоконник. Она не торопила. От этого было труднее.

В договоре я проверила сумму, сроки, условия выхода. Раньше такие бумаги приносила Егору. Он читал, задавал вопросы и возвращал со словами: «Можно». За эти годы я почти забыла, что подпись все равно ставила моя рука.

Я попросила вписать срок ремонта козырька. Мы исправили дату, обе расписались рядом. Потом я отсчитала деньги. Галина Аркадьевна выдала мне расписку и два ключа на кольце с красной пластмассовой каплей.

— Бегемота заберете? — спросила она. — Внучка оставила. Выбросить жалко, а кому такой нужен.

— Пусть пока поживет.

Когда она ушла, я заперла дверь изнутри. Ничего не произошло. Труба не исчезла, стена осталась холодной, под ногами хрустел мелкий мусор. Я села на пол и отправила Жене фотографию.

Она позвонила сразу.

— Вижу. Пол адский. Ты в уме?

— Вроде.

— Стол привезут когда?

— В субботу.

— Я до двух могу помочь. Потом у Стаса мать приезжает, мы поедем встречать. И сразу: бесплатно я тебе три вечера в неделю шить не буду.

— Я и не прошу.

— Сейчас не просишь. Потом будет «Жень, ты же понимаешь». Давай без этого. Есть работа — считаем цену.

Я подняла пластикового бегемота, покрутила в руках.

— Договорились.

— И не обижайся. Я тебя люблю, но мне нужны деньги.

По телефону Женя обычно говорила между делом: что-нибудь резала, размешивала чай, велела Стасу убрать пакет с ткани. Сейчас в трубке зашипел утюг.

— Егор что сказал?

Я долго отдирала грязь с подошвы бегемота.

— Еще не сказала.

— Про деньги тоже?

— Нет.

Утюг перестал шипеть.

— Марин.

— Я знаю.

— Ты уверена?

Я посмотрела на дверь. Ключ с красной каплей торчал в замке. Хотелось сказать: мне надо было хоть раз сделать так, чтобы не отступить. Но это звучало слишком красиво для денег, которые мы откладывали вдвоем.

— Уже подписала.

Женя выдохнула. Не стала ни поздравлять, ни ругать. Спросила, есть ли в комнате кран. Я пошла за перегородку, повернула ручку. В раковину плюнуло ржавой водой, потом потекла прозрачная.

— Есть, — сказала я, удивляясь, как радостно это прозвучало.

Дома Егор спал на диване. Телевизор показывал без звука человека, который ловил рыбу в очень холодном месте. На кухне стояла коробка с остатками пиццы. Возле моей тарелки лежала бумажная салфетка, аккуратно сложенная треугольником.

Я накрыла Егора пледом. Он проснулся, поймал меня за запястье и прижал мою ладонь к щеке.

— Купила?

— Что?

— Рулетку. А. Взяла же у меня.

Он улыбнулся сонно и притянул меня. Я наклонилась, он коснулся губами шеи под ухом. У меня потеплело под воротником; я сама подставила ему шею. Я стояла над ним в пальто, с договором в сумке. Можно было лечь рядом, сунуть холодные ноги ему под одеяло. Сказать про деньги утром. Я даже успела придумать: сейчас он слишком сонный, все равно не услышит.

— Иди сюда, — сказал он.

Я погладила его висок.

— Мне сначала нужно кое-что сказать.

Егор открыл глаза. На этот раз он не потянулся за телефоном и не предложил поесть.

Глава 3. На кухню

Егор сел, провел ладонями по лицу. На щеке остался след от шва диванной подушки.

— Я сняла помещение, — сказала я. — То, которое показывала. На улице за рынком.

Он несколько секунд молчал.

— Сегодня?

— Да.

— На сколько?

— Сначала на три месяца. Потом можно продлить.

— Сколько в месяц?

Я назвала сумму, объяснила про залог и козырек. Егор слушал, наклонив голову. Так он слушал мастеров, которые сообщали, что ремонт обойдется дороже первоначальной сметы.

— Покажи договор.

Я села рядом и достала бумаги. Он читал быстро, возвращаясь к отдельным строчкам. У меня затекла нога, но я не шевелилась.

— Здесь электричество по счетчику. Доставка? Материалы? Ты все посчитала?

— Приблизительно.

— Приблизительно.

Он повторил это без насмешки, и все равно я почувствовала себя девочкой, принесшей плохо решенную задачу.

— За первые месяцы хватит. Потом пойдут заказы.

— Какие?

Я рассказала про два дивана, стулья для кафе, кресло Светланы с четвертого этажа. Он спросил, есть ли предоплата. Я сказала, что пока только за один диван.

— То есть мы три месяца оплачиваем тебе возможность попробовать?

— Если так сформулировать, то да.

— А как сформулировать? Ты уже внесла деньги?

Я сняла пальто. Стало жарко.

— Шестьдесят пять. Из кухонного фонда.

Егор положил договор на стол. Осторожно, совместив края листов.

— Ты сняла их со счета и не сказала мне.

— Я собиралась вернуть. С заказов.

— Когда?

— Не знаю точно.

Он встал. В прихожей загорелся свет: Саша вышла за водой. Она посмотрела на нас, налила полную кружку и ушла, не спросив, почему у меня пальто на коленях.

— Я бы не полез в эти деньги без тебя, — сказал Егор тише.

— Ты и так решаешь, на что они пойдут.

— Мы выбирали кухню вдвоем. Ты сама скинула мне фасады. В воскресенье.

Я помнила фасады. Помнила, как выбирала между серым и темно-зеленым, как представила пустую столешницу и свет под шкафами. Он был прав. Нельзя было теперь рассказывать, что кухня понадобилась только ему.

— Да. Я не должна была брать их тайком.

— Но взяла.

— Взяла.

Он дошел до окна и отодвинул занавеску. В стекле я видела его профиль, напряженную шею, подстриженные неделю назад волосы. Обычно я замечала эти мелочи с удовольствием. Сейчас они мешали злиться без остатка.

— Ты могла сказать.

— Я говорила про помещение.

— Про общие деньги ты не говорила.

— Потому что знала, как все закончится. Ты посчитаешь, что слишком дорого, слишком рано, что Саша еще маленькая, что я могу работать дома. А я соглашусь, потому что каждый довод отдельно разумный. И пройдет еще год.

Он повернулся.

— Значит, теперь проще обмануть?

Я заплакала, хотя хотела обойтись без этого. Не навзрыд, только глаза перестали слушаться. Я вытерла их ладонью.

— Я не хочу, чтобы ты меня отговаривал.

— А я не хочу узнавать последним, что ты уже решила.

Мы замолчали. Я уже открыла рот, чтобы напомнить ему о покупке машины. Закрыла: машину мы обсуждали, а это он увидел впервые. Убрала пальто на спинку стула.

— Деньги верну в общий фонд. Не обещаю за месяц. Составлю расчет по тем заказам, которые подтвердятся, и покажу тебе. Мастерскую оставлю.

Егор покачал головой.

— Ты так говоришь, будто я пришел у тебя отбирать ключи.

Я достала кольцо с красной каплей и положила возле договора. Маленький стук показался слишком громким.

— А разве ты не хочешь, чтобы я отказалась?

Он не ответил сразу.

— Я хочу понимать, что с нами происходит.

Я тоже хотела. У нас была нормальная квартира, дочь, которую мы любили, машина в кредит и Сашино расписание на дверце холодильника. Егор помнил, что я не ем изюм, мог среди ночи съездить за лекарством и никогда не говорил, что я мало зарабатываю. Когда мы ссорились, я перечисляла это про себя, как будто вносила взносы по долгу, который не удавалось погасить.

— Ты вчера сказал им, что мы ничего не хотим менять, — произнесла я. — Я сидела рядом. Ты даже не посмотрел на меня.

— Я говорил о семье. О том, что мне хорошо с вами.

— И за меня тоже говорил.

— Марина, это был вопрос для статьи. Я не мог знать, что мы обсуждаем нашу жизнь всерьез.

— Вот. В твоей версии я счастлива. Зачем еще меня спрашивать?

Егор смотрел на меня. Я ждала возражений, но он только опустился на стул напротив.

— Ты несчастлива?

Мне хотелось сказать «нет», и не только из жалости. Я не считала эти годы напрасными. Я любила ездить с ним за город, знала, как он смеется, когда не может закончить историю, хотела его рук на своем теле. Мне было страшно, что, если я сейчас признаюсь в недовольстве, он отнимет у меня и все хорошее: скажет, что я врала и тогда.

— Я не знаю, как ответить одним словом.

Он уставился на ключи.

Мы не помирились. Егор ушел в душ, я вымыла чашку и написала девушке из магазина: «Пожалуйста, не публикуйте мои ответы без согласования. Мне нужно увидеть текст». Потом долго смотрела на отправленное сообщение.

В постели Егор лежал на спине. Я легла рядом, оставив между нами небольшое расстояние. Он не спал.

— Ты меня еще любишь? — спросил он.

— Да.
Он повернул голову.
— И я тебя. Я просто очень злюсь.
Я положила ладонь между нами, на простыню. Егор ее не взял. Так я и заснула.

Глава 4. Неподходящая ткань

Первый стол привезли с опозданием на три часа. Грузчик поставил его на улице и сказал, что занос не оплачен.

— Здесь две ступеньки, — сказала я.

— Ага. А потом колено у меня одно.

Женя уже ушла к двум, как обещала. Мы успели вымыть пол и приклеить на стену лист с размерами, после чего она села на корточки возле розетки и съела бутерброд, который принесла мне. Я тогда еще думала, что сейчас приедет стол и мы успеем расставить вещи.

Грузчик позвонил кому-то, поговорил о ребенке, который не хотел есть суп. Я пересчитала деньги в кошельке и заплатила за занос. Он поднял край столешницы, я взялась с другой стороны. Оказалось тяжело, но не так, чтобы не справиться. Уже в комнате он помог подложить картон под ножку, принял воду из моей бутылки и сказал:

— Тут холодно будет. Ковер бы какой.

Потом уехал. Я закрыла дверь и села за стол. Локти поместились целиком.

Кресло Светланы доставили на следующий день. Она хотела «как на фотографии», только дешевле, потому что ткань уже купила сама. Я еще дома объяснила, что тонкая портьерная ткань не выдержит ежедневной нагрузки на сиденье. Светлана прислала смайлик с поднятым пальцем, а потом все равно привезла рулон, обернутый магазинным пакетом.

— Вы же придумаете, — сказала она. — У вас золотые руки.

Она произнесла это с такой уверенностью, что я почти согласилась. Потом посмотрела на стол, за который отдала деньги, и попросила ее присесть.

Светлана села на подоконник, потому что стульев пока не было.

— Вот смотрите.

Я натянула ткань на угол сиденья, провела по краю ладонью. При боковом свете показались белесые полосы, нитки разошлись возле места натяжения.

— Сюда не подойдет. На спинку, возможно, если укрепить. Но на сиденье нужна другая.

— Мне теперь ее выбрасывать?

— На подушки пойдет. Или на занавеску, смотря какое у вас окно. Но обтянуть ею кресло целиком я не возьмусь.

Светлана взяла образец двумя пальцами.

— Вы в прошлый раз не так категорично говорили.

Это было правдой. Я старалась ей не испортить настроение и сказала что-то вроде «посмотрим на месте». Теперь платила за эту мягкость.

— Надо было сказать яснее. Простите. Я могу сделать, но быстро разойдется, и ремонтировать придется снова. Не хочу брать за это деньги.

Она оставила кресло на неделю, обещала подумать. Предоплату вносить не стала.

Я заперла дверь и пошла за самым дешевым супом в соседнюю кулинарию. Там пахло жареной рыбой, женщина за прилавком говорила с кем-то по видеосвязи, повернув телефон экраном к хлебнице. Я села у окна. В сумке лежала смета: аренда, материалы, доставка. Светланины деньги я уже мысленно потратила дважды.

Егор прислал сообщение: «Поела?»

Я сняла пластиковую миску на телефон и отправила ему.

«Похоже на воду».

«С капустой».

Он прислал картинку с улыбающимся котом. Я засмеялась, прикрыв рот ладонью, и вдруг так сильно захотела рассказать ему про ткань, что набрала номер.

Он ответил на фоне дорожного шума.

— Что случилось?

— Ничего. Суп ем.

— Уже вижу. Как стол?

— Огромный. Все помещается.

— Шатается?

— Подложила картон.

— Марин, только не картон. Ножку можно отрегулировать. Снизу посмотри, там должен быть...

Я закрыла глаза.

— Я посмотрю.

Он замолчал на полуслове.

— Ладно. Ты хотела что-то рассказать?

Я провела ложкой по дну миски. Полоска капусты все время соскальзывала с ложки.

— Мне привезли кресло с неподходящей тканью. Я отказалась делать так, как хочет заказчица. Теперь боюсь, что она заберет его и уйдет.

— А ткань правда плохая?

— Для кресла — да.

— Ну, тогда правильно отказалась.

— Ты бы видел, как она на меня посмотрела.

Егор немного помолчал.

— Я сегодня сказал одному, что вытяжку придется разбирать. Он спросил, нельзя ли за те же деньги заставить ее просто работать силой мысли.

Я улыбнулась.

— Можно?

— У меня не получилось. Не дорос еще.

Мы проговорили, пока я не допила остывший чай. В конце Егор сказал, что Сашу сегодня заберет сам: у нее тяжелая папка для рисования. Я удивилась. Дочь ничего мне не говорила про папку.

— Они там что-то снимают после уроков. Попросила не опаздывать. Я успею.

У меня на секунду возникло неприятное чувство, что они обходятся без меня. Я чуть не спросила, почему они не сказали мне заранее. Сдержалась: дочь попросила отца, и он мог приехать.

— Хорошо. Тогда я до семи поработаю.

Возле мастерской ждала Галина Аркадьевна с полотняным мешком. Она вытащила из него небольшой коврик и поставила у двери.

— Под ноги положите. Тут снизу тянет.

Я поблагодарила и хотела спросить, сколько должна, но она уже шла к своей машине.

Вечером я отрегулировала ножку. Егор был прав: под столешницей прятался винт. Я сделала фотографию ровно стоящего стола, но отправлять не стала. Вместо этого сняла зеленое кресло, которое наконец привезла из дома. Это было мое кресло, купленное с чужого балкона за полторы тысячи. Я собиралась сделать его без заказа, без спешки, из ткани, которую выберу сама.

Фотографию я прикрепила к пустой странице мастерской. Написала адрес, рабочий телефон и часы по предварительной договоренности. Удалила слово «недорого». Потом снова набрала его, посмотрела и удалила окончательно.

Глава 5. Воскресный пирог

Раиса Николаевна пекла пирог с капустой и всегда оставляла углы мне. Она помнила, что я люблю корку. В начале нашего брака я принимала это за проверку: приличная невестка должна отказаться от лучшего куска. Потом поняла, что Раиса действительно любит меня и просто не умеет положить еду, не сказав при этом, сколько труда она ей стоила.

— Здесь тесто хорошее, — сказала она и отрезала мне угол. — Сметана осталась, я ее пристроила. Ешьте, пока теплый.

Мы приехали в первое воскресенье октября. Я принесла ей отремонтированный пуфик — два года собиралась поменять молнию на нижнем чехле. Теперь вшила новую в мастерской за двадцать минут. Раиса обрадовалась, но первым делом спросила, почему я похудела.

Егор наливал чай. Саша раскладывала на столе маленькие фигурки из пластилина. У одной было желтое лицо и огромный рот.

— Это завуч? — спросил Егор.

— Это человек, который пытается поесть на совещании. Мы делаем ролик. Завуч тоже так подумала.

Раиса рассмеялась, а я сказала:

— Ты же должна была заниматься проектом по биологии.

Саша убрала фигурки в коробку.

— Он готов.

— Покажешь дома?

— А надо?

За столом стало тихо. Я положила ложку.

— Мне интересно.

— Ну, тогда так и спроси.

Егор посмотрел на дочь, но ничего не сказал. Я ждала, что Егор напомнит ей про тон. Он только подвинул к себе коробку с фигурками, убирая ее от края стола.

Раиса подвинула ко мне варенье.

— Что у тебя с работой, Марин? Егор сказал, ты помещение взяла. Далеко?

— От нас минут двадцать пешком.

— Хорошо. Хоть ходить будешь. А то все дома да дома.

Я ожидала другого и сразу расслабилась.

— Там пока неуютно. Но стол хороший.

— В работе уют не главное. Я сорок лет в таком кабинете просидела, что у тебя еще дворец. Только ты не простужайся.

Егор поднял глаза от тарелки.

— Вот. Я ей тоже говорю: там пол снизу холодный, зимой обогреватель не спасет.

— Я не говорю, что не спасет. Я говорю — ботинки теплые надеть.

Саша прыснула в чашку. Егор улыбнулся матери.

— Мам, ты бы посмотрела.

— Я на пенсии. Хватит с меня смотреть, что у людей плохо устроено.

Позже Раиса позвала меня на кухню. Егор помогал Саше снять короткий кусок мультфильма: двигал фигурку не там, дочь терпеливо объясняла ему, что зритель заметит скачок. Раиса закрыла за нами дверь и указала на верхнюю полку.

— Достань, пожалуйста, коробку. Я на табурет теперь не лезу.

В коробке были елочные игрушки, три пустые банки и завернутый в газету стеклянный кувшин.

— Кувшин себе возьми. Ты же хотела.

Я действительно когда-то хотела. Когда нам было мало вещей и мы тащили домой все, что можно поставить на стол. Теперь кувшин предстояло куда-то убрать, но отказаться было жалко.

— Спасибо.

Раиса развернула газету.

— Вы поссорились?

Я посмотрела на закрытую дверь.

— Мы спорим о работе. О деньгах. Я кое-что сделала, не спросив Егора.

— Он мне не рассказывал.

— Знаю.

— Ты думаешь, я сейчас буду его защищать?

Я пожала плечами.

— Не знаю.

Раиса протерла кувшин и поднесла к свету. У ручки виднелась тонкая трещина.

— Горячее не наливай. Только воду. Я защищать никого не собираюсь, вы большие. Но деньги все-таки обсуждайте. В этом он у тебя щепетильный.

— В этом?

Она покосилась на меня.

— И в другом тоже. Он в шестнадцать лет уже знал, что мне пора сменить работу. Принес объявление. Я тогда так удивилась, что даже не рассердилась.

В ее голосе была нежность, от которой мне захотелось отступить. Мне вспомнился шестнадцатилетний Егор на фотографии: тонкая шея, чужой пиджак на выпускном. Хотелось рассердиться на Раису за то, что она заговорила о нем именно сейчас.

— Он тебя любит, — сказала Раиса.

— Я знаю.

— Хорошо. Я боялась, ты сейчас скажешь, что это неважно.

Я помотала головой и протянула ей банку. Мы молча убрали коробку обратно.

На обратном пути Саша попросила высадить ее возле школы. Они с подругой собирались доделать съемку в кабинете рисования; учительница уже ждала. Егор спросил, не поздно ли, я начала объяснять, что завтра уроки, и вдруг услышала, как мы заговорили одновременно.

— До шести можно? — спросила Саша. — У меня все готово. Я сама приду. Там две остановки.

Егор посмотрел в зеркало, потом на меня.

— До шести, — сказала я.

Дочь быстро вышла и помахала нам коробкой с фигурками.

В машине остались мы вдвоем. Егор вел медленно, выбирая дорогу без ям.

— Ты правда хочешь все это? Мастерскую, столы, заказчиков? — спросил он.

— Да.

— Просто раньше ты говорила, что устала от людей.

— От некоторых устала. От всех сразу не получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.